

Анастасия КРАМАРЕНКО

ДОВЕРИЕ ИММИГРАНТОВ ИЗ СТРАН СНГ К РОССИЙСКИМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ. ЧАСТЬ II

Аннотация

Статья является второй частью работы, посвященной проблеме институционального доверия иммигрантов в России. Гипотеза исследования: иммигранты скорее не доверяют российским политическим институтам, поскольку, во-первых, они социализировались в постсоветских государствах-донорах с низким уровнем институционального доверия, во-вторых, иммигрируя в Россию, они попадают в среду с развитым институциональным скептицизмом и сталкиваются с ксенофобией и дискриминацией. Первая часть гипотезы справедлива только для Армении и Кыргызстана, Казахстан и Таджикистан отличаются высоким уровнем доверия, однако, в условиях жесткой персоналистской автократии, характерной для последних, оценить его реальный уровень затруднительно.

Что касается доверия иммигрантов к российским политическим институтам, то по имеющимся в России ограниченным социологическим исследованиям в структуре доверия иммигрантов безусловно доминируют неформальные социальные институты – семья, друзья, соседи, диаспора, а политические институты, с которыми коммуницируют иммигранты – миграционные органы и полиция, – располагаются на последнем месте, разделяя его с организациями, защищающим права мигрантов. Это об-

КРАМАРЕНКО Анастасия Сергеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17. *E-mail*: a.kramarenko@hse.ru ORCID: 0000-0001-7454-0956.

Ключевые слова: иммиграция, институциональное доверие, политический институт, политическая культура, интеграция иммигрантов, дискриминация, ксенофобия.

условлено не только неэффективной работой данных институтов, низким уровнем институционального доверия в российском социуме, но и структурной дискриминацией и широко распространенной мигрантофобией.

Введение

В первой части работы было установлено, что основные страны гражданской принадлежности международных мигрантов, приезжающих на постоянное проживание в Россию, – Армения, Казахстан, которые примерно с начала 2010-х гг. постепенно дополняются государствами Центрально-Азиатского региона – Кыргызстаном и Таджикистаном. Значительная часть иммигрантов родились и длительное время проживали в странах-донорах и, соответственно, социализировались в рамках их институтов, поэтому для установления социокультурного измерения их доверия к российским

политическим институтам необходимо проанализировать, в каких условиях институционального доверия эта социализация проходила.

Для решения поставленной задачи автор будет использовать авторитетные международные исследования, такие как «Жизнь в обществе переходного периода» (Life in Transition, LiTS III 2016 г.), «Всемирный обзор ценностей» (World Values Survey, WVS), данные исследовательских проектов «Разновидности демократии» (Varieties of Democracy, V-Dem) и «Глобальные показатели управления» (Worldwide Governance Indicators, WGI).

Социокультурное измерение доверия

Согласно результатам исследования «Жизнь в обществе переходного периода» (LiTS III), анализирующего различные аспекты жизни в странах с переходной экономикой, наибольшим доверием к политическим институтам среди них отличаются государства Центрально-Азиатского региона¹. Как и в России, армия и глава государства пользуются наибольшим институциональным дове-

рием граждан данных государств – 72,12% и 70,48%, соответственно², в отличие от западноевропейских демократий, где граждане больше всего доверяют полиции и органам правосудия. Тем не менее, доверие к последним в центральноазиатских странах превышает 50%, что также нельзя назвать низким, по сравнению, например, с Россией, где доверие полиции и суду высказали лишь

¹ Казахстан, Кыргызская Республика, Монголия, Таджикистан, Узбекистан.

² Life in Transition III: A decade of measuring transition // URL: <http://www.ebrd.com/publications/life-in-transition-iii.pdf> P. 36 (дата обращения: 23.06.2023).

40,6% и 28,3% респондентов, соответственно (рис. 1).

Высокий уровень доверия в Центральной Азии, кроме того, распространяется на региональные и местные органы власти (62,6% и 58,1%, соответственно), правительство

(58,8%) и такой важный атрибут демократического режима как парламент (52,9%), что значительно выше показателей доверия к данным институтам в регионе с переходной экономикой, в России и в западноевропейских странах (рис. 1).

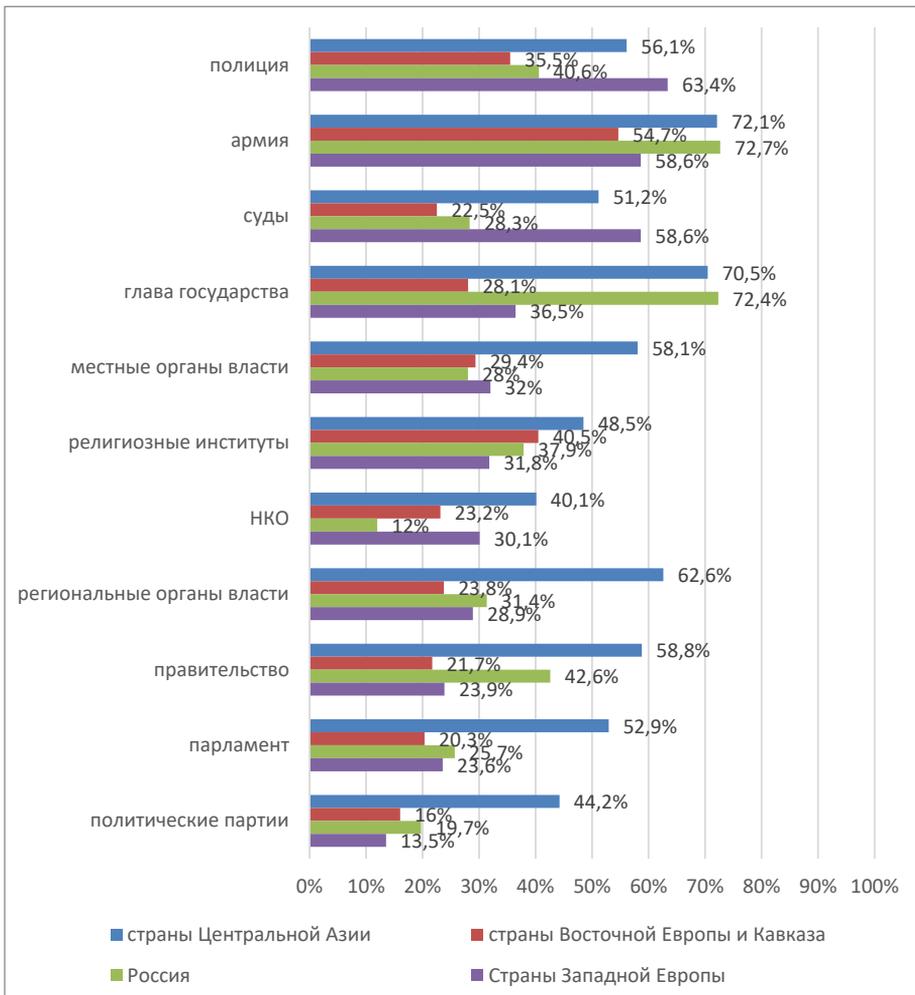


Рис. 1. Институциональное доверие (LiTS III), 2016 г.³

³ Life in Transition III: A decade of measuring transition // URL: <http://www.ebrd.com/publications/life-in-transition-iii.pdf> P. 36 (дата обращения: 23.06.2023).

Напротив, в странах Восточной Европы и Кавказа, включая Армению, граждане в основном не доверяют политическим институтам. За исключением вооруженных сил и религиозных организаций: им респонденты выразили наибольшее доверие – 54,65% и 40,48%, соответственно. Уровень доверия к остальным политическим институтам в среднем не превышает 25%, меньше всего граждане стран этого региона доверяют судам (22,52%), парламенту (20,34%) и правительству (21,71%) (рис. 1).

Страновые данные, полученные в рамках 7-й волны Всемирного обзора ценностей 2017–2022 гг. согласуются с данными LiTS III в случае Таджикистана и Казахстана: средние показатели доверия ко всем политическим институтам, задействованным в исследовании, там превышают 77% и 66%, соответственно. Не такой однозначной выглядит ситуация в Кыргызстане, где данный показатель составляет 48% и сравним с Россией и Германией (рис. 2).

Наибольшим доверием граждан Таджикистана пользуется правительство – 89,2% респондентов заявили о том, что «очень сильно доверяют» и «довольно сильно доверяют» указанному институту, – в Казахстане и Кыргызстане, как и в России, – вооруженные силы (80,8% и 69,7%, соответственно). В Германии, напротив, наибольшим доверием граждан пользуются полиция и

система правосудия (81,5% и 60,6%, соответственно). Наименьшее доверие во всех трех республиках Центральной Азии граждане выражают политическим партиям (рис. 2).

Относительно не только центральноазиатских государств, но и России, и Германии, уровень доверия к политическим институтам в Армении выглядит довольно низким – в среднем 37,5%, однако вооруженные силы пользуются и здесь доверием (81,9%), что объясняется активизацией военных действий по поводу территориальной принадлежности Нагорного Карабаха. После армии граждане Армении «очень сильно доверяют» и «довольно сильно доверяют» правоохранительным органам и системе правосудия, но эти показатели наполовину ниже, чем доверие к армии – 39,3% и 35,3%, соответственно. Наиболее низкие показатели доверия наблюдаются в отношении правительства (24,5%), политических партий (24,7%) и парламента (25,9%) (рис. 2).

Уровень доверия граждан Армении к государственным службам также наиболее низкий в сравнении с исследуемыми странами центральноазиатского региона, Россией и Германией, и составляет 31,2%. Для сравнения, в Таджикистане данный показатель составляет 71,3%, далее идут Казахстан (66,4%), Кыргызстан (59,9%), Россия (56%). В Германии работе государственных служб доверяют 52,5% граждан (рис.2).

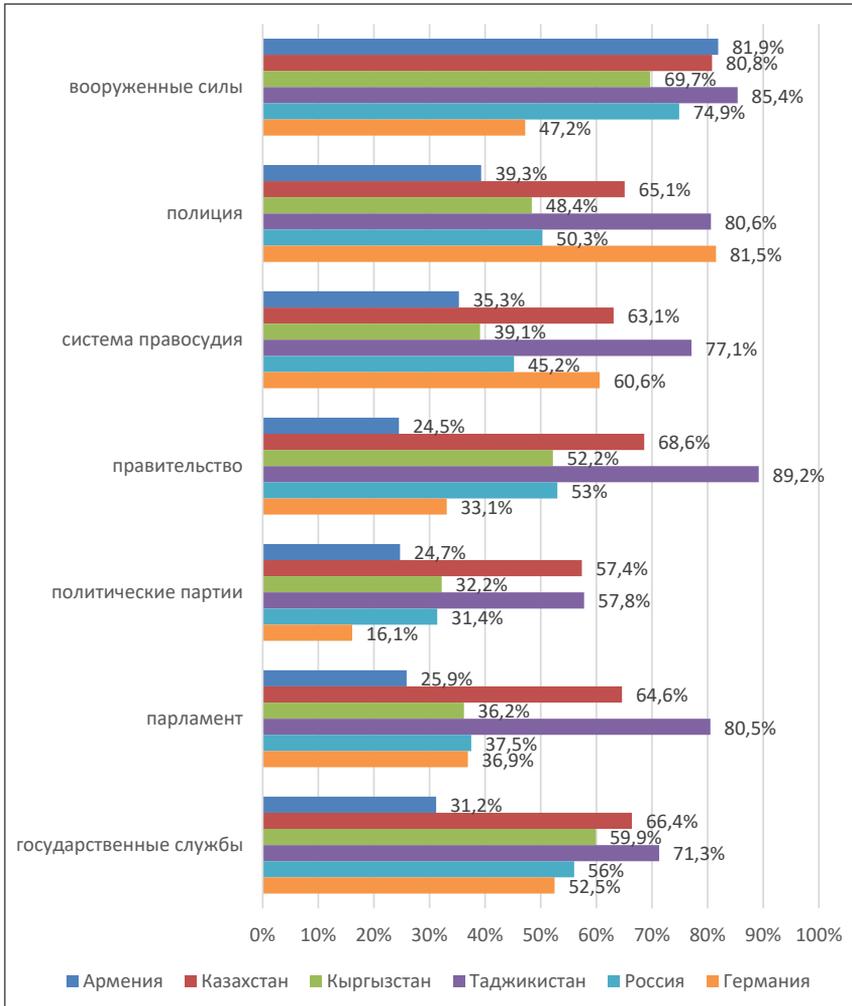


Рис. 2. Доверие к политическим институтам, (WVS) 2017–2022 гг. ⁴

На уровень доверия граждан к политическим институтам отрицательно влияет коррупция, снижающая качество институционального управления, препятствующая соблюдению законности и нормальному функционированию правовой

системы. Исключением из этой логики являются страны Центральной Азии, где при высоком уровне реальной коррупции и низкой эффективности управления наблюдается высокий уровень доверия к политическим институтам разного уровня.

⁴ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp_@65_69_70-74 (дата обращения: 27.06.2023).

Так 41,98% респондентов из Таджикистана, 26,58% – из Казахстана, 25,18% – из Кыргызстана сообщили о том, что за последний год они или члены их семьи платили на неформальной основе или дарили подарки с целью получения государственных услуг (рис. 3). Эти показатели значительно выше уровня воспринимаемой коррупции в регионе: в Таджикистане только 11,25% респондентов предположили, что, люди, такие как они, вынуждены делать неформальные платежи и подарки чиновникам, в Казахстане таких респондентов было 5,85%, в Кыргызстане – 13,17% (рис. 3). В рамках 7-й волны Всемирного обзо-

ра ценностей 2017–2022 гг. ответы респондентов относительно воспринимаемой коррупции расположились следующим образом⁵: в Таджикистане «всегда делать» подарки и платежи – 4,3% и «часто делать» – 14,6%, в Казахстане – «всегда» – 3,5%, «часто» – 21,3%, в Кыргызстане – «всегда» – 16,1%, «часто» – 25,5%.

В странах Западной Европы опыт реальной коррупции также выше перцептивного, однако не только общий уровень реальной коррупции значительно ниже, но и разница между реальным опытом коррупции и перцептивным более чем в 2 раза меньше: 3,35% против 1,29% (рис. 3).

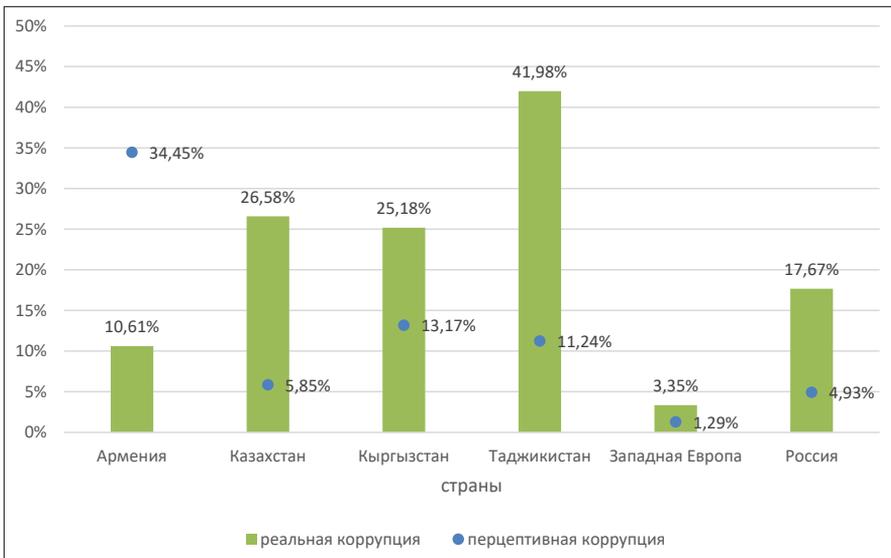


Рис. 3. Показатели воспринимаемой и реальной коррупции, России (LiTS III, N=100%), 2016 г.⁶

⁵ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVOnline.jsp>, Q 118 (дата обращения: 27.06.2023).

⁶ Life in Transition III: A decade of measuring transition. Governance in the transition region // URL: <https://litsonline-ebrd.com/governance-in-the-transition-region/index.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

Интересно, что в Армении реальный опыт коррупции в три раза ниже перцептивного: 10,61% респондентов сообщили интервьюерам о своем опыте коррупции против 34,45%, предположивших, что при обращении за государственными услугами им придется совершать неформальные платежи и делать подарки чиновникам (рис. 3). Согласно результатам Всемирного обзора ценностей 2017–2022 гг., на аналогичный вопрос ответы респондентов расположились следующим образом: «всегда делать» неформальные платежи и подарки – 3,1% «часто» – 16,1%⁷.

Недооценка или переоценка гражданами реальной коррупции может зависеть не только от восприятия людьми коррупционных практик в качестве знака благодарности за те или иные услуги, но и от медиаинформации, которая им доступна. В государствах, где есть независимые медиа и журналисты, цензура средств массовой информации минимальна, а государство не ограничивает распространение материалов с критикой власти и не преследует журналистов и расследователей, показате-

ли реальной коррупции значительно ниже.⁸

По сравнению с центральноазиатскими государствами, где рейтинг свободы прессы не превышает 2 баллов из 7 (в Казахстане рейтинг свободы прессы с 2016 г. не менялся и в 2022 г. сохранился на уровне 1,25 баллов⁹, в Кыргызстане, также с 2016 г. не изменился, оставшись в 2022 г. на уровне 2, в Таджикистане снизился с 1,75 в 2016 г. до 1 в 2022 г.¹⁰), в Армении данный показатель в 2016 г. равнялся 2,25, а в 2022 г. – 2,75¹¹, т.е. возможностей у жителей Армении получать, а у журналистов и расследователей независимых СМИ публиковать информацию о коррупционных практиках и властных привилегиях, значительно больше, чем у жителей центральноазиатских республик. Контроль над коррупцией в Армении также выше (рис. 4).

Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, где граждане часто сталкиваются с коррупцией, также отличаются низкими показателями эффективности государственного управления, соблюдения законности (верховенство закона) и качества нормативно-правового регулирова-

⁷ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, Q 118 (дата обращения: 27.06.2023).

⁸ Life in Transition III: A decade of measuring transition. Governance in the transition region // URL: <https://litsonline-ebrd.com/governance-in-the-transition-region/index.htm> (дата обращения: 01.06.2023).

⁹ Freedom House. Nations in Transit 2022. Kazakhstan // URL: <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/nations-transit/2022> (дата обращения: 04.07.2023).

¹⁰ Freedom House. Nations in Transit 2022. Tajikistan // URL: <https://freedomhouse.org/country/tajikistan/nations-transit/2022> (дата обращения: 04.07.2023).

¹¹ Freedom House. Nations in Transit 2022. Armenia // URL: <https://freedomhouse.org/country/armenia/freedom-world/2022> (дата обращения: 04.07.2023).

ния. В Таджикистане один из самых высоких уровней коррупции в регионе с переходной экономикой¹² и самый высокий среди исследуемых стран, низкая эффективность государственного управления (в 2016 г. процентильный ранг¹³ = 12,98, в 2021 г. – 31,73), низкий уровень соблюдения законов (в 2016 г. процентильный ранг = 10,58, в 2021 г. – 11,06) и качества нормативно-правового регулирования (в 2016 г. процентильный ранг = 11,06, в 2021 г. – 12,02) (рис. 4) и при этом, самые высокие показатели доверия к различным политическим институтам. Оптимистичнее ситуация выглядит в Казахстане и Кыргызстане, где уровень реальной коррупции почти в половину ниже, чем в Таджикистане (рис. 3), а эффективность государственного управления, соблюдение законов и качество нормативно-правового регулирования выше.

От республик Центральной Азии Армения отличается более высокими показателями качества управления, уступая лишь Казахстану по эффективности государственного управления. Тем не менее, процентильный ранг и центральноазиатских стран, и Армении, и России по всем указанным индикаторам значительно ниже, например, Герма-

нии, где показатель эффективности государственного управления в 2016 г. составил 93,75, в 2021 г. – 87,98, соблюдения законов – и в 2016 г., и в 2021 г. 91,83, а качества нормативно-правового регулирования в 2016 г. – 96,15, в 2021 г. – 94,71 (рис. 4).

Почему же в Таджикистане и Казахстане уровень институционального доверия при худших показателях качества управления значительно выше, чем, например, в более эффективно и качественно управляемой Армении и даже Германии? Дело в том, что в авторитарных государствах уровень доверия может быть выше, чем в демократических, за счет широких административных механизмов формирования и контроля общественного мнения, репрессий, подавления свободы прессы, культурного консерватизма (патернализм, отказ от индивидуализма, приоритет традиционных клановых властных структур в странах центральноазиатского региона), а также из-за сложностей получения социологами объективной и реальной информации об уровне доверия, связанных со страхом респондентов дать социально и государственно неодобряемый ответ.

¹² Life in Transition III: A decade of measuring transition. Corruption in the transition region // URL: <https://litsonline-ebrd.com/governance-in-the-transition-region/index.htm> (дата обращения: 07.07.2023).

¹³ Процентильный ранг указывает процент стран во всем мире, рейтинг которых ниже выбранной страны. Более высокие значения соответствуют лучшим рейтингам управления. Например, столбец длиной 75% имеет следующую интерпретацию: примерно 75% стран в мире оцениваются хуже, а примерно 25% стран оцениваются лучше, чем выбранная страна. 0 соответствует самому низкому рангу, а 100 — самому высокому. Worldwide Governance Indicators (WGI) // URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports> (дата обращения: 05.07.2023).

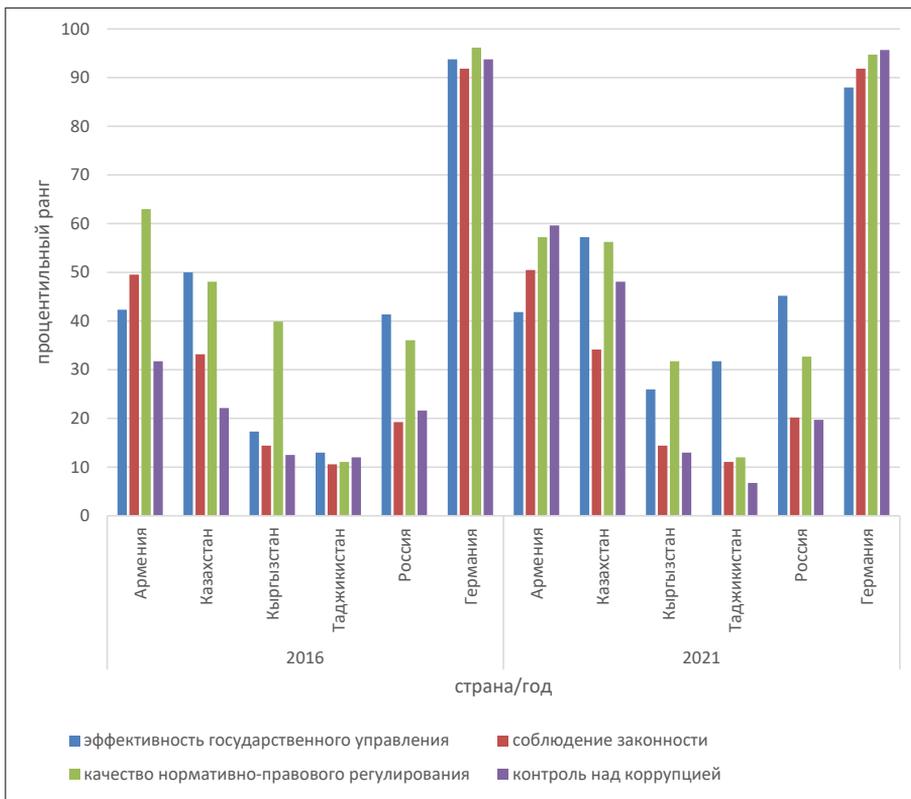


Рис. 4. Глобальные показатели управления, 2016 г., 2021 г. (WGI)¹⁴

Проект Разновидности демократии (V-Dem) ранжирует политические режимы в мире по спектру от закрытой автократии к либеральной демократии по ряду индексов и индикаторов, основу которых, в том числе, составляют предложенные Р. Далем в рамках теории полиархии¹⁵, – свободные, честные, конкурентные выборы с непредсказуемым результатом, свобода слова и наличие альтернативных государственным источники информа-

ции, свобода ассоциаций, подконтрольность и подотчетность власти избирателям, автономия ассоциаций и инклюзивное гражданство (институциональные гарантии полиархии). Таким образом, помимо требования ротации власти в результате выборов, необходимы гражданские права и свободы, делающие эти выборы значимыми в рамках политической системы и обеспечивающие подконтрольность власти обществу.

¹⁴ Составлено автором по данным Worldwide Governance Indicators (WGI) // URL: <https://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Reports>, дата обращения: 05.07.2023.

¹⁵ Dahl R. A. On democracy. New Haven, CT: Yale University Press. 1998.

Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан исследователями V-Dem и в 2016 г., и в 2022 г. отнесены к электоральным автократиям – непрозрачным гибридным авторитарным режимам, симулирующим демократические институты, которые из-за электоральных манипуляций, ограничений политической конкуренции и нарушения политических свобод граждан, дискредитированы и фактически не работают¹⁶. Но если Казахстан и Таджикистан – государства с жесткой персонифицированной и консолидированной авторитарной властью вертикалью и слабой электоральной конкуренцией, пристально контролируемой исполнительной властью, то Кыргызстан с сильным гражданским обществом и независимыми медиа до недавнего времени сохранял возможности для выражения недоверия и проведения относительно свободных и конкурентных выборов с неизвестным исходом. После конституционной реформы 2021 г., в ходе которой произошла трансформация формы правления от парламентской к президентской, Кыргызстан

стал стремительно двигаться в направлении централизации власти и усиления репрессий¹⁷.

В индексе либеральной демократии¹⁸ (LDI, располагается в промежутке от 0 до 1, где 0 самый низкий рейтинг, 1 – самый высокий), подразумевающей не только вышеуказанные гарантии полиархии, собственные электоральным демократиям, но и дополнительный набор конституционно закрепленных гражданских прав личности и меньшинств, защищающих и от тирании государства, и от тирании большинства, а также эффективные механизмы сдержек и противовесов в виде законодательного и судебного надзора за исполнительной властью, государства Центральной Азии и в 2016 г.¹⁹, и в 2022 г. находится в аутсайдерах. Таджикистану, согласно отчету V-Dem 2023 г., принадлежит 167 место из 179 исследованных стран и наименьшее число баллов в рамках индекса LDI – 0,05, далее по восходящей идет Казахстан – 134 место и 0,14 баллов и Кыргызстан – 116 место и 0,23 баллов²⁰. В то же время уровень институционального доверия в этих

¹⁶ Lührmann A., Tannenberg M., I. Lindberg S. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes // URL: https://www.researchgate.net/publication/323861097_Regimes_of_the_World_RoW_Opening_New_Avenues_for_the_Comparative_Study_of_Political_Regimes. P. 63 (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁷ Freedom House. Nations in Transit 2022. Kyrgyzstan // URL: <https://freedomhouse.org/country/kyrgyzstan/nations-transit/2023> (дата обращения: 16.07.2023).

¹⁸ V-Dem (Varieties of Democracy) Codebook v13 – March 2023 // URL: https://v-dem.net/documents/24/codebook_v13.pdf P. 45 (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁹ Democracy at Dusk? V-Dem Annual Report 2017 // URL: https://v-dem.net/documents/18/dr_2017.pdf P. 11 (дата обращения: 17.07.2023).

²⁰ Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization // URL: https://v-dem.net/documents/29/V-dem_democracyreport2023_lowres.pdf P. 45 (дата обращения: 18.07.2023).

странах обратно пропорционально коррелирует с их рейтингом в индексе либеральной демократии – в Таджикистане самый высокий ко всем перечисленным политическим институтам, в Кыргызстане – самый низкий (рис.2).

В отличие от авторитарных стран Центральной Азии в Армении – электоральная демократия²¹, подразумевающая де-факто свободные, честные, конкурентные многопартийные выборы и минимальный уровень институциональных гарантий полиархии Даля, но развитость таких индикаторов как прозрачность правоприменения, доступ к правосудию, верховенство закона, гарантии индивидуальных прав и свобод или законодательные и судебные ограничения исполнительной власти недостаточна и не удовлетворяет критериям либеральной демократии²².

Переход от электоральной автократии к электоральной демократии в Армении был осуществлен в 2018 г. с уходом в отставку С. Сяргсяна и его правительства, досрочные парламентские выборы 2021 г.,

состоявшиеся после управленческого кризиса 2020 г., отличались агрессивной и поляризующей обществу риторикой, но были конкурентными и прозрачными²³. В индексе либеральной демократии в 2016 г. Армения была позади Кыргызстана²⁴, но в 2022 г. она заняла 71 место, а ее рейтинг LDI составил 0,45, опередив центральноазиатские республики, задействованные в исследовании²⁵. Вместе с тем, демократические преобразования в стране идут медленно и непоследовательно, наблюдается рост авторитарных тенденций, усиление давления на независимые СМИ и неправительственные организации.

Отсутствие реально функционирующих демократических механизмов выражения недоверия действующей власти, способствует укреплению в Казахстане и Таджикистане политической культуры высокой лояльности²⁶, подразумевающей уверенность граждан в существующем институциональном дизайне и его эффективности. При этом оценить реальный уровень доверия к политическим институтам довольно

²¹ Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization // URL: https://v-dem.net/documents/29/V-dem_democracyreport2023_lowres.pdf P. 24 (дата обращения: 18.07.2023).

²² V-Dem (Varieties of Democracy) Codebook v13 – March 2023 // URL: https://v-dem.net/documents/24/codebook_v13.pdf P. 287 (дата обращения: 17.07.2023).

²³ Freedom House. Nations in Transit 2022. Armenia // URL: <https://freedomhouse.org/country/armenia/freedom-world/2022> (дата обращения: 20.07.2023).

²⁴ Democracy at Dusk? V-Dem Annual Report 2017 // URL: https://v-dem.net/documents/18/dr_2017.pdf P. 11 (дата обращения: 17.07.2023).

²⁵ Democracy Report 2023. Defiance in the Face of Autocratization // URL: https://v-dem.net/documents/29/V-dem_democracyreport2023_lowres.pdf P. 44 (дата обращения: 18.07.2023).

²⁶ Welzel C., Dalton R. Cultural change in Asia and beyond: From allegiant to assertive citizens // URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~rdalton/archive/AJCP2017.pdf> P. 4 (дата обращения: 21.07.2023).

сложно и можно предположить, что высокие показатели доверия являются «воображаемыми» и довольно условны. Постсоветские страны, как правило, характеризуются слабым проявлением как лояльных, так и ассертивных ориентаций политической культуры²⁷.

Напротив, для развитых постиндустриальных демократий сегодня характерно преобладание в обществе ассертивного типа политической культуры (или сочетание высокого уровня и лояльных, и ассертивных ориентаций, как, например, в Швеции и Норвегии²⁸), характеризующегося синтезом критической оценки функционирования демократических институтов и приверженности граждан демократическим принципам²⁹. То есть в основе ассертивного типа политической культуры – активный гражданин, имеющий собственное мнение и участвующий в политических и социальных процессах, скептически относящийся к политическим институтам и требующий повышения их эффективности, подотчетности и представительности, выступающий за соблюдение индивидуальных прав и свобод и расширение политической толерантности. В сочетании с суще-

ствованием конвенциональных механизмов выражения недоверия власти и политическим институтам, в демократических государствах с преобладанием политической культуры ассертивного типа институциональное доверие может быть ниже, чем в авторитарных государствах, где таких механизмов нет, как и нет возможностей получить представление о реальных показателях доверия граждан.

В Армении и Кыргызстане, где демократические процедуры более развиты, чем в Казахстане и Таджикистане, ассертивные ориентации, характеризующиеся в том числе институциональным скепсисом с запросом на повышение эффективности этих процедур, более распространены в обществе. Следовательно, для них в значительной мере могут быть характерны соответствующие реальной действительности более низкие показатели доверия к политическим институтам.

Таким образом, Казахстан и Таджикистан – персонифицированные электоральные автократии с высоким уровнем доверия к политическим институтам на фоне слабых показателей качества управления, высокой коррупции и факти-

²⁷ Welzel C., Dalton R. Cultural change in Asia and beyond: From allegiant to assertive citizens // URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~rdalton/archive/AJCP2017.pdf> P. 7 (дата обращения: 21.07.2023).

²⁸ Welzel C., Dalton R. Cultural change in Asia and beyond: From allegiant to assertive citizens // URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~rdalton/archive/AJCP2017.pdf> P. 6 (дата обращения: 21.07.2023).

²⁹ Welzel C., Dalton R. Cultural change in Asia and beyond: From allegiant to assertive citizens // URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~rdalton/archive/AJCP2017.pdf> P. 6 (дата обращения: 21.07.2023).

ческим отсутствием работающих механизмов выражения недоверия власти. Кыргызстан – также авторитарная автократия, но с более развитыми демократическими процедурами, конкурентным авторитарным процессом и более низким, но в большей степени приближенным к реальности, уровнем институционального доверия. Армения единственная страна-донор иммигрантов, являющаяся авторитарной демократией и отличающаяся от всех исследуемых стран не только самыми низкими показателями институционального дове-

рия и самой низкой коррупцией, но и самыми высокими показателями качества управления.

Социализация в странах отправления и политико-культурный бэкграунд во многом определяют уровень доверия иммигрантов уже в России, в комплексе с институциональным измерением доверия, отражающим опыт взаимодействия иммигранта с институтами государства-реципиента и рациональную оценку их доступности, функциональности и эффективности, а также проявления мигрантофобии и дискриминации.

Институциональное измерение доверия

Социологические исследования, связанные с измерением и анализом доверия иммигрантов к российским политическим институтам, единичны, ограничены определенными регионами³⁰ или этнонациональной группой³¹ и, как правило, проводятся на небольшой выборке, что не позволяет экстраполировать их результаты в масштабе страны и делать достоверные выводы. Тем не менее, данные исследования позволяют получить некоторое представление об уровне доверия среди иммигрантов.

Работа коллектива авторов Алтайского государственного университета, посвященная доверию ми-

грантов к принимающему сообществу, фиксирует довольно низкий уровень доверия среди иммигрантов, в том числе прибывших из Армении, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана, как к российским политическим институтам, так и к институтам гражданского общества и религиозным организациям. Наибольшим доверием пользуются неформальные группы ближнего круга общения – 90,8% респондентов выбрали ответы «полностью доверяю» и «скорее доверяю» семье и близким родственникам, 81,3% – друзьям и знакомым. Далее по нисходящей идут работодатель (56,9%), консульские представительства

³⁰ Максимова С. Г. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России / С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина // *Siberian Socium*. 2019. Том 3. № 2. С. 18-34.

³¹ Интеграция VS Репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России / Под ред. Г. А. Погосяна. Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА. 2022. 196 с.

страны гражданской принадлежности (54,6%), диаспоры (49,4%) и соседи (48,2%). И, наконец, практически идентичный уровень доверия приходится на структуры, отвечающие за реализацию миграционной политики и оказание миграционных услуг (47,7%) и правоохранительные органы (46,6%). На последнем месте по уровню доверия располагаются организации, защищающие права иммигрантов (44,1%), и религиозные организации (42,4%)³².

Низкий уровень доверия среди иммигрантов к институтам, оказывающим миграционные услуги и институтам, призванным обеспечивать правопорядок и безопасность, в сравнении с неформальными структурами и социальными связями, может говорить о дисфункциональности и недостаточной эффективности первых, наличии структурной дискриминации. Иммигранты не верят в то, что могут получить квалифицированную качественную помощь, обратившись в миграционную службу, полицию или суд.

В подразделениях ГУВМ МВД практически отсутствует системное юридическое консультирование³³ по общим миграционным вопросам и тем более по вопросам,

связанным с получением убежища, сотрудники, многие из которых перешли из различных подразделений МВД и не имели опыта в миграционной сфере, недостаточно квалифицированы и не могут предоставить достоверную и актуальную информацию по процедуре или по перечню документов, необходимых для подачи на тот или иной миграционно-правовой статус. При этом ведомство и его территориальные представительства на своих информационных ресурсах размещают минимум информации, зачастую устаревшей, доступной только на русском языке и содержащей выдержки из нормативно-правовых актов без соответствующих объяснений, каким образом они работают на практике.

ГУВМ, являясь структурным подразделением МВД, отражает в своей работе его специфику как силового ведомства, игнорируя гуманитарные, социальные, культурные аспекты миграции, придерживается преимущественно секьюритизированного подхода к миграционным процессам и рассматривают миграционную политику как борьбу с нелегальной иммиграцией.

Не только временные мигранты, но и длительно проживающие в России по РВП, виду на жительство

³² Максимова С. Г. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России / С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина // *Siberian Socium*. 2019. Том 3. № 2. С. 24.

³³ Министерство Юстиции 20 апреля 2015 года внесло Комитет «Гражданское содействие» в реестр «организаций, исполняющих функции иностранных агентов». Иммигранты в России: государство и социокультурная адаптация // URL: <https://refugee.ru/wp-content/uploads/2022/04/roiczki-j-k.e.-ob-adaptaczii-immigrantov-v-rossii.docx-1.pdf>, С. 12 (дата обращения: 26.07.2023).

или даже имеющие российское гражданство, страдают от злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, нарушения прав на справедливый суд в рамках рассмотрения дел об административном выдворении³⁴ (вынесение коллективных решений, отсутствие переводчика и другие процессуальные нарушения), рискуют потерять гражданство, выданное по ошибке инспектора миграционной службы. Эти обстоятельства свидетельствуют о дефективности не только институтов, реализующих миграционную политику, но полиции и системы правосудия.

Значительная структурная дискриминация существует в сфере доступа к образованию для детей иммигрантов³⁵. В 2021 г. вступил в силу Приказ Министерства просвещения № 458/36, предоставляющий право администрации школы проверять по базам МВД миграционный статус ребенка и его родителей, миграционный или регистрационный учет, в случае их отсутствия, администрация школы вправе отказать в приеме в школу.

Учитывая, что российские арендодатели в основном не готовы не только иммигрантов, но и граждан России ставить на миграционный учет/регистрировать³⁷, норма Приказа фактически нарушает международное законодательство и Конституцию РФ о праве детей на школьное образование.

На уровень институционального доверия среди иммигрантов оказывает влияние не только фактическая работа институтов государства-реципиента, их эффективность, а также наличие или отсутствие структурной дискриминации, но и отношение принимающего общества и отдельных его представителей, работающих в подразделениях миграционной службы, полиции, судах, больницах и школах, которые воспроизводят установки и стереотипы, укорененные в коллективном сознании россиян в отношении иммигрантов.

Международные и российские социологические замеры демонстрируют довольно высокий уровень мигрантофобии и негативного восприятия представителей опре-

³⁴ Министерство Юстиции 20 апреля 2015 года внесло Комитет «Гражданское содействие» в реестр «организаций, исполняющих функции иностранных агентов». Троицкий К.Е. Обзор статистики судебных решений об административном выдворении из Российской Федерации, 2023 // URL: <https://refugee.ru/wp-content/uploads/2023/06/troiczkij-k.e.-obzor-statistiki-sudebnyh-reshenij-o-vydvoreni-iz-rf.pdf> (дата обращения: 26.07.2023).

³⁵ Министерство Юстиции 20 апреля 2015 года внесло Комитет «Гражданское содействие» в реестр «организаций, исполняющих функции иностранных агентов». Троицкий К.Е. О новых правилах приема в школы // URL: <https://clck.ru/35dD9M> (дата обращения: 03.08.2023).

³⁶ Приказ № 458 от 2 сентября 2020 г. «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b85d4853c0d14befe926bad3a79a91d6/> (дата обращения: 03.08.2023).

³⁷ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. С. 252

деленных этнических групп в российском обществе. Так, согласно данным, полученным в рамках Всемирного обзора ценностей 2017–2022 гг., 32,3% респондентов в России не хотели бы видеть в качестве своих соседей иммигрантов или иностранных рабочих, но вместе с тем только 15,7%, 11,3% и 12,6%, соответственно, против проживания людей другой расы, религии или языковой принадлежности рядом с ними³⁸.

По мнению 25,5% россиян, иммигранты отрицательно влияют на развитие России³⁹, повышая уровень преступности (69,7% от всех опрошенных), увеличивая риск терроризма (72,2%) и безработицу (64%), приводя к социальному конфликту (73%)⁴⁰. Только 14,2% респондентов высказались о положительном влиянии иммигрантов на развитие российского общества⁴¹. Негативное восприятие иммиграции и иммигрантов отражено

во мнении респондентов относительно предпочтительной для России иммиграционной политики: 15,4% предложили вообще запретить приезжать в Россию людям из других стран, а 54,3% – установить строгие ограничения на количество иностранцев⁴².

Согласно результатам опроса Левада-центра⁴³, иммигранты из Центральной Азии располагаются на втором месте после иммигрантов из Африки среди тех, кого россияне не готовы видеть рядом с собой – сумма респондентов, считающих, что иностранцев из стран центральноазиатского региона пускать в Россию только временно или совсем не пускать с 2010 по 2021 г. колебалась в пределах 51–60%⁴⁴. Россияне предпочитают соблюдать максимальную социальную дистанцию с маркируемыми ими «другими»: доля респондентов, готовых видеть иммигрантов из Центральной Азии в качестве чле-

³⁸ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, Q. 19, Q. 21., Q. 23, Q. 26 (дата обращения: 07.08.2023).

³⁹ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, Q. 121 (дата обращения: 07.08.2023). Сумма ответов «очень плохо» и «довольно плохо» влияют на развитие страны. Процент от всех опрошенных.

⁴⁰ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, Q122-129 (дата обращения: 07.08.2023). Процент от всех опрошенных.

⁴¹ World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, Q. 121 (дата обращения: 07.08.2023). Сумма ответов «довольно хорошо» или «очень хорошо» влияют на развитие страны. Процент от всех опрошенных.

⁴² World Values Survey Wave 7 2017-2022 // URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>, Q. 130 (дата обращения: 07.08.2023).

⁴³ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴⁴ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Ксенофобия и мигранты // URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 12.08.2023). Сумма ответов «пускал(а) бы их в Россию только временно» и «не пускал(а) бы их в Россию».

нов своей семьи хоть и увеличилась с 2010 г. с 1% до 4% в 2021 г., все равно чрезвычайно низка. То же самое относится и к перспективе иммигрантов из данного региона стать для граждан России близкими друзьями, соседями и даже коллегами по работе: в 2021 г. к этому были готовы только 6%, 7% и 6% опрошенных, соответственно⁴⁵.

На фоне того, что в 2021 г. 57% россиян посчитали, что в местах их проживания чрезмерное число мигрантов, большинство опрошенных (68%) выступили за ограничение правительством РФ возможностей для въезда в Россию экономических мигрантов. С 2017 г. по 2021 г. доля считающих, что власти должны придерживаться рестриктивной миграционной политики возросла с 58% до 68%, достигнув максимума в 73% в 2020 г.⁴⁶ Учитывая, что в массовом сознании, экономические мигранты, временно приезжающие в страну и иммигранты, ориентированные на постоянное проживание, фактически не сепарированы, это мнение возможно экстраполировать и на последних. При этом стоит отметить утилитар-

ное отношение россиян к иммигрантам: половина респондентов считают, что работа мигрантов полезна для страны.

Что касается гражданской принадлежности, то наиболее желательными для россиян в 2018 г. были иностранцы из культурно и этнически близких Беларуси и Украины, а также Германии, Казахстана и Армении⁴⁷, а наиболее нежелательными – из Таджикистана и Узбекистана.

Мигрантофобия и антииммиграционный дискурс формируется и активно поддерживается не только СМИ, репрезентирующими образ мигранта в негативном ключе, но и политиками и государственными чиновниками. Ими транслируются мифы и стереотипы, связанные, например, с высоким уровнем преступности среди иммигрантов⁴⁸ или с формированием «этнических анклавов» и нежеланием интегрироваться⁴⁹. Закономерно, что доминирование в медиаполе исключительно негативных установок в отношении миграции, при фактически полном отсутствии противоположного дискурса и организа-

⁴⁵ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Ксенофобия и мигранты // URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁴⁶ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. Ксенофобия и мигранты // URL: <https://www.levada.ru/2022/01/24/ksenofobiya-i-migranty/> (дата обращения: 12.08.2023).

⁴⁷ Иммиграция в Россию: благо или вред? // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> (дата обращения: 13.08.2023).

⁴⁸ В России выросло число преступлений среди мигрантов // URL: <https://tass.ru/obschestvo/18336751> (дата обращения: 18.08.2023).

⁴⁹ «Мигранты живут по собственным законам и понятиям» // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2022/02/11/14524603.shtml> (дата обращения: 18.08.2023).

ций, которые его продвигали бы, стимулирует ксенофобию и негативно влияет отношение к иммигрантам.

Стоит отметить, что иммигранты положительно оценивают отношение российского общества к себе – более 80% согласны или скорее согласны с утверждением о доброжелательности со стороны местных жителей⁵⁰, что может также свидетельствовать о стремлении дать социально желаемый от-

вет. В то же время большинство опрошенных иностранных граждан уверены в том, что они навсегда останутся «чужими» для российского принимающего общества – в 2017 г. такого мнения придерживались 62,8% опрошенных с иностранным гражданством, в 2020 г. – 65%. Данная установка наиболее распространена среди тех, кого россияне считают «нежелательными» – граждан Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана⁵¹.

Заключение

Проведенное исследование позволяет заключить, что гипотеза о низком уровне доверия в странах отправления иммигрантов в Россию, выдвинутая в начале исследования, подтверждается частично и справедлива для Армении и Кыргызстана. Казахстан и Таджикистан характеризуются высоким уровнем институционального доверия среди населения.

При этом, принимая во внимание контекст существования высоких показателей доверия, характеризующийся недостаточно эффективным управлением, высокими показателями коррупции, фактическим отсутствием реально работающих механизмов выражения недоверия власти и страхом граждан быть замеченными в нелояльности,

необходимо понимать, что в случае автократий, особенно с жестким персоналистским режимом, к которым относится Казахстан и Таджикистан, оценить реальный уровень институционального доверия затруднительно.

Что касается российских политических институтов, с которыми иммигранты непосредственно взаимодействуют – государственным миграционным органам и полиции, – они доверяют значительно меньше, чем неформальным социальным структурам, выстроенным на основе родственных, дружеских, этнических/национальных связей. Это обусловлено во многом неэффективной работой институтов, оказывающих миграционные услуги, обеспечивающих правопорядок

⁵⁰ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. С. 143.

⁵¹ Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. С. 146.

и осуществляющих правосудие, структурной дискриминацией, нарушением прав иммигрантов. Широко распространенная в российском обществе мигрантофобия, поддерживаемая и воспроизводимая государственными медиа и властью, на фоне низких показате-

лей генерализованного социального доверия в России и низового диффузного недоверия к институтам, отрицательно влияют и на институциональное доверие среди иммигрантов, детерминируя его низкий уровень и стимулируя стремление к социальной изоляции.

Список литературы

1. Dahl R. A. On democracy. New Haven, CT: Yale University Press. 1998.
2. Lührmann A., Tannenberg M., I. Lindberg S. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes // URL: https://www.researchgate.net/publication/323861097_Regimes_of_the_World_RoW_Opening_New_Avenues_for_the_Comparative_Study_of_Political_Regimes (дата обращения: 16.07.2023).
3. Welzel C., Dalton R. Cultural change in Asia and beyond: From allegiant to assertive citizens // URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~rdalton/archive/AJCP2017.pdf> (дата обращения: 21.07.2023).
4. Максимова С. Г. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России / С. Г. Максимова, Д. А. Омельченко, О. Е. Ноянзина // Siberian Socium. 2019. Том 3. № 2. С. 18-34. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34.
5. Интеграция VS Репатриация: социально-экономический потенциал армянской диаспоры России / Под ред. Г. А. Погосяна. Ер.: Изд-во «Гитутюн» НАН РА. 2022. 196 с.
6. Приказ № 458 от 2 сентября 2020 г. «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования» // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b85d4853c0d14befe926bad3a79a91d6/> (дата обращения: 03.08.2023).
7. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В. И. Мукомель, К. С. Григорьева, Г. А. Монусова [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 400 с.

KRAMARENKO Anastasia S. – Candidate of Political Sciences, Researcher, Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), National Research University Higher School of Economics. *Address:* Russia, 119017, Moscow, Malaya Ordynka st., 17. *E-mail:* a.kramarenko@hse.ru

Keywords: immigration, institutional trust, political institution, political culture, integration of immigrants, discrimination, xenophobia.

TRUST OF IMMIGRANTS FROM CIS COUNTRIES TO RUSSIAN POLITICAL INSTITUTIONS. PART II

Annotation

The article is the second part of the work devoted to the problem of institutional trust of immigrants in Russia. Research hypothesis: immigrants are more likely to distrust Russian political institutions. They were socialized in post-Soviet states with a low level of institutional trust. Immigrating to Russia, they find themselves in an environment with developed institutional skepticism and face xenophobia and discrimination. The first part of the hypothesis is valid only for Armenia and Kyrgyzstan; Kazakhstan and Tajikistan are distinguished by a high level of trust, however, in the conditions of strict personalistic autocracy it is difficult to assess its real level.

As for the trust of immigrants in Russian political institutions, according to the limited sociological research available in Russia, the structure of trust of immigrants is undoubtedly dominated by social institutions and the political institutions with which immigrants communicate are in last place, sharing it with organizations that protect the rights of migrants. This is due not only to the effectless work of these institutions and the low level of institutional trust in Russian society, but also to structural discrimination and migrant phobia.

References

1. Dahl R. A. On democracy. New Haven, CT: Yale University Press. 1998.
2. Lührmann A., Tannenberg M., I. Lindberg S. Regimes of the World (RoW): Opening New Avenues for the Comparative Study of Political Regimes // URL: https://www.researchgate.net/publication/323861097_

Regimes_of_the_World_RoW_Opening_New_Avenues_for_the_Comparative_Study_of_Political_Regimes (accessed: 16.07.2023).

3. Welzel C., Dalton R. Cultural change in Asia and beyond: From allegiant to assertive citizens // URL: <https://sites.socsci.uci.edu/~rdalton/archive/AJCP2017.pdf> (accessed: 21.07.2023).

4. Maksimova S. G. Migrant's trust in the host community in the context of analyzing social security in the border regions of Russia / S. G. Maksimova, D. A. Omelchenko, O. E. Noyanzina // Siberian Socium. 2019. Volume 3. No. 2. P. 18-34. DOI: 10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34.

5. Integration VS Repatriation: the socio-economic potential of the Armenian diaspora in Russia / Ed. G. A. Pogosyan. Er.: Publishing house «Gitutyun» NAS RA. 2022. 196 p.

6. Order No. 458 of September 2, 2020 «On approval of the Procedure for admission to study in educational programs of primary general, basic general and secondary general education» // URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/b85d4853c0d14befe926bad3a79a91d6/> / (accessed: 03.08.2023).

7. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators / V. I. Mukomel, K. S. Grigorieva, G. A. Monusova [etc.]; FNISC RAS. M.: FNISC RAS, 2022. 400 p.